

Череванский Владимир Павлович

Две волны

Часть 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
В57

В57 **Владимир Павлович Ч.**
Две волны: Часть 2 / Череванский Владимир Павлович – М.: Книга по Требованию, 2024. – 408 с.

ISBN 978-5-521-29997-3

ISBN 978-5-521-29997-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

XXVII.

РОЖДЕНИЕ СЫНА ВЪ СЕМЬѢ ЭМИРА ТУРАГАЯ.

(1333 г.)

Нѣтъ зерна, скрытаго во мракѣ земли, нѣтъ и былинки на ея поверхности, которыя не были бы записаны въ «Книгѣ очевидности». — Такъ опредѣлилъ основатель ислама свое возвращеніе на неизбѣжность всего, что должно совершиться по желанію и предвидѣнію верховной стихійной силы. Слѣдуя этому догмату, исламитяне слѣпо преклоняются передъ фатумомъ—«кисметъ!»—что не мѣшаетъ имъ истреблять противниковъ и награждать приверженцевъ, точно тѣ и другіе дѣйствуютъ по собственному разумѣнію, а не по программѣ книги очевидности.

По этой программѣ, спустя два вѣка послѣ появленія на свѣтъ Чингисъ-хана, долженъ былъ родиться его замѣститель, на

столько же какъ и онъ—грозный, величественный и непреклонный. Такъ и случилось. Онъ родился отъ эмира Турагая, принадлежавшаго къ племени Беруласть. Беруласцы припили въ ср. Азію извѣ Монголіи въ видѣ тысячи, данной въ удѣлъ Джагатаю. По окончаніи войнъ, нанесшихъ Хорезмской имперіи смертельное пораженіе, монгольскіе кадры осѣли въ наиболѣе опасныхъ пунктахъ джагатайскаго улуса. Кадръ беруласцевъ занялъ провинцію Шааръ-Себзъ, или Зеленаго города, всегда считавшуюся лучшимъ уголкомъ Мавераннахра. Въ ту пору Кешъ, существующій и нынѣ, былъ ея областнымъ городомъ и крупнымъ умственнымъ центромъ страны; медресе его охотно открывали свои келіи ученымъ и мистикамъ, которые и распространяли о немъ славу, какъ о храмѣ науки и добродѣтелей. Побывавшій въ Кешѣ посланникъ короля Кастиліи повѣствовалъ впослѣдствіи о немъ, какъ о большомъ городѣ, окруженномъ множествомъ садовъ, орошаемыхъ каналами; повсюду были видны селенія, луга, виноградники, хлопчатники и рисовыя поля. Городъ былъ окруженъ валомъ и глубокимъ рвомъ съ подъемными мостами.

Вблизи Кеша, на одномъ изъ многоводныхъ каналовъ, стояла курганча отставнаго эмира Турагая. Ни самъ эмиръ, ни его родители не могли бы объяснить, почему его называли Турагаемъ—«перепелкою»,—но это имя осталось за нимъ въ преданіяхъ и въ письменныхъ документахъ его знаменитаго сына.

Бурный періодъ возмужалости эмиръ провелъ въ боевыхъ стычкахъ—порою подъ бунчукомъ джагатаидовъ, а порою и по своей инициативѣ, поэтому онъ перенесъ не мало ударовъ «батниками»—дубинками съ металлическими шарами—и нѣсколько операций, состоявшихъ въ вырѣзкѣ стрѣлъ, засѣвшихъ въ мягкихъ частяхъ его тѣла. Умножившіяся раны воспрепятствовали ему наконецъ оставаться въ рядахъ ханскихъ войскъ, а подаренная за вѣрную службу курганча съ виноградникомъ обеспечивала ему, на склонѣ лѣтъ, спокойную жизнь. Курганча была ему и тѣмъ пріятна, что онъ штурмовалъ ее въ дни своихъ багатурскихъ подвиговъ, а это давало ему возможность, принимая знакомыхъ и друзей, пояснять, какъ онъ взбирался на ея стѣны, гдѣ и кого закололъ и какимъ взмахомъ сабли раскрылъ черепъ ея хозяину.

Курганча теперешняго времени ничѣмъ не отличается отъ курганчи временъ эмира Турагая. Она представляется не то хутор-

комъ, не то крѣпостною, болѣе или менѣе просторною и обнесенною высокими и толстыми глинобитными стѣнами. Черезъ ея узкую калитку могутъ пройти только человѣкъ, его конь или вытянувшееся гуськомъ стадо барановъ. Тамъ, за стѣнами, скрывающимися отъ внѣшняго міра жизнь курганчи, совершается все, что предопредѣлено Аллахомъ. Если ея хозяинъ мизантропъ или ревнивецъ или вообще нелюдимый человѣкъ, жизнь за высокими стѣнами идетъ довольно скучно. Наоборотъ, если одна или нѣсколько, поселившихся въ курганчѣ семей, живутъ дружно и понимаютъ прелесть въ музукѣ, въ пѣснѣ, или въ пріятныхъ словахъ—всякое другое жилище показалось-бы имъ крайне непріятнымъ.

Эмиръ Турагай жилъ въ компаніи сподвижниковъ его боевой славы. То были исключительно отставные багадуры, богатые рубцами рыцарскаго происхожденія и воспоминаніями о триумфахъ и невзгодахъ боевой жизни. Кешпы смотрѣли нѣсколько подозрительно на эту дружескую общину, но боялись затрогивать ея честь. Они говорили даже, что эмиръ имѣетъ сомнительные доходы, такъ какъ десятокъ барановъ и виноградникъ не могли доставлять средства для широкихъ размаховъ эпикурейца. Каковы-же были эти размахи можно судить изъ того, что нерѣдко,—«и мертвая голова катилась туда хлѣбнуть сладкаго и веселаго напитка».—Въ такихъ случаяхъ, хозяинъ курганчи открывалъ настежь ея узенькія двери и просилъ каждаго прохожаго принять его радушное угощеніе. По поговоркѣ-же: «у кого ѣлъ хлѣбъ—соль одинъ день, тому кланяйся сорокъ дней», эмиръ имѣлъ множество друзей, которые охотно явились-бы свидѣтелями его высокой честности.

Эмиръ дѣйствительно дополнялъ свой доходъ тѣмъ, что охранялъ, вмѣстѣ съ своими людьми, караваны, которые ходили черезъ центральную Азію, между такими дальними странами, какъ Булгарія и Индія. Караванъ-баши хорошо понимали, что въ тѣ смутныя времена монгольскій офицеръ, хотя бы отставной, но съ преданными багадурами, нашелъ бы дорогу свободною, даже черезъ ущелье, запертое желѣзными воротами. Проведя караванъ, эмиръ отдавался потомъ надолго безпечной жизни. Въ такихъ случаяхъ у него появлялись избытки не только риса, мяса и пряностей, но и шелковыхъ тканей, ковровъ и дорогихъ мѣховъ. Тѣ люди, которымъ не предлагали въ курганчѣ хлѣба-соли, говорили, будто сопровождаемые эмиромъ караваны всегда теряли въ дорогѣ

нѣсколько верблюдовъ съ болѣе цѣнными выюками, но теперь это сказаніе трудно повѣрить.

Въ курганчѣ ютился и гаремъ Турагая, собранный изъ рабынь и мѣстныхъ таджикчекъ, вымѣненныхъ на ковры и стада барановъ. О красотѣ его гарема ничего неизвѣстно и только можно вспомнить при этомъ, что въ числѣ рабынь джагатайскаго улуса могли встрѣтиться и бѣлѣблыя дщери муромо-рязанской русской окраины и смуглянки съ береговъ Тигра и Евфрата. На обязанности гарема лежало, прежде всего, угожденіе его хозяину, а далѣе, по характеру событій—смѣхъ или слезы.

Населеніе курганчи, несмотря на свое монгольское происхожденіе, исповѣдывало уже исламъ, но въ такой степени слабо, что ни солнце, ни луна не пошли бы свидѣтельствовать о томъ, что они видѣли тамъ хотя-бы одинъ намазъ. Едва ли тамъ отличали даже ученіе шитовъ отъ вѣры суннитовъ. Впрочемъ, больные люди и тамъ восклицали: «Аллахъ-экберъ!» но молитвы больныхъ людей не ручаются еще за глубокую вѣру чловѣка. При слабости въ вѣрѣ и всѣ прочія предписанія мусульманской этики курганча не соблюдала: женщины ея ходили открытыми, безъ малѣйшихъ, присушихъ гаремной жизни стѣсненій.

Курганча знала поѣтому, что одна изъ женъ эмира готовится подарить ему ребенка. Приблизилось время родовъ и начались обычные мученія матери. На помощь ей были призваны опытные старухи, которыхъ набралось столько, что всѣ багадуры должны были перейти изъ курганчи подъ сѣнь виноградника. Болѣе услужливыя матроны принялись тотчасъ же встряхивать роженницу, какъ встряхиваютъ подушку, которой трудно выйти изъ наволочки. Больная не разъ впадала въ обмороки, что было относимо къ появленію влаго духа, наслаждающагося исключительно материнскими страданіями. Духъ этотъ невидимъ, но и въ невидимомъ состояніи онъ напоминаетъ собою мальчика съ огромными грудями, перекинутыми черезъ плечи, на спину. Матроны, разумѣется, предвидѣли, что онъ будетъ имѣть дѣло съ этимъ врагомъ рода чловѣческаго и поѣтому приняли противъ него мѣры. Прежде всего, онъ воткнули мечъ эмира въ изголовье матери. Затѣмъ они обратились къ филину, способному, какъ было извѣстно, управиться съ злымъ духомъ, какъ цапля съ лягушкою. Филина привязали къ кровати. Вскорѣ невидимый, но злой мальчикъ посрамился передъ филиномъ и отсту-

пился отъ больной, такъ что не понадобился и заготовленный въ курганчѣ волшебникъ, по неестественному возгласу котораго: «эй, выходи!» долженъ былъ появиться ребенокъ на свѣтъ.

Наконецъ, семья эмира увеличилась, къ его глубокой радости—мальчикомъ, котораго поспѣшили вымыть въ соленой водѣ, а потомъ вымазать коровьимъ масломъ.—«Какой-же ты дрянной мальчишка!» пропозносила при этомъ каждая изъ прислуживавшихъ женщинъ. Такое восклицаніе было выраженіемъ полного доброжелательства, потому что оно предохраняло ребенка отъ сглаза завистливыхъ людей. Колыбелька была готова заранѣе, со всѣми надежными амулетами противъ злыхъ духовъ: въ изголовьи были воткнуты перья филина, въ ногахъ—иглы дикобраза, а по бокамъ—змѣиные шкурки, собачьи клыки и поднесенные ребенку подарки.

Сорокъ дней купали ребенка въ соленой водѣ и мазали масломъ, вытягивая при этомъ его руки и ноги, чтобы онъ скорѣе выросъ въ багатура. Все это время не было отбоя отъ гостей, такъ что надъ курганчою постоянно взвивался дымокъ, свидѣтельствовавшій о радушіи хозяевъ. Объ этомъ радушіи увѣряли прохожихъ и стаи собакъ, оставившихъ Кенъ, чтобы насладиться костями возлѣ курганчи.

Нѣтъ однако ни малѣйшаго указанія на то, чтобы мальчикъ былъ подвергнутъ операциі, обязательной для строгихъ исповѣдниковъ ислама. Очевидно, догматы послѣдняго поддерживались въ ту пору въ Мавераннагрѣ не достаточно крѣпко. И дѣйствительно, всѣ сознавали, что вѣра Пророка, ослабѣвшая на пожарищахъ и передъ ручьями крови, требовала для своего подъема обновителя, который возсталъ бы за идею ислама, съ оружіемъ въ рукахъ и съ правомъ на воззваніе къ священной войнѣ. Со времени прихода монголовъ Мавераннагръ совершенно забылъ священнѣйшій изъ заветовъ Мухаммеда: сражаться съ невѣрными до полного ихъ избіенія....

Кто могъ бы однако думать, что въ сынѣ Турагая явится подобнаго рода обновитель ислама? И тогда, какъ и теперь, въ кишлакахъ ср. Азіи и возлѣ ауловъ, можно было видѣть толпы мальчиговъ, бѣгавшихъ, разумѣется лѣтомъ, по полямъ и дорогамъ, отъ утра до вечера, безъ признаковъ одежды. Въ этомъ облегченномъ состояніи такъ удобно зарываться въ кучи придорожной пыли, чтобы, окунувшись въ прудѣ, пуститься въ погоню за придорожными пичужками! Одинъ голодъ заставляетъ такую веселую

толпу возвращаться подъ родную кровлю. Сынъ эмира могъ поступать точно также, нисколько не нарушая достоинства своего рода. Но происходя изъ класса побѣдителей, онъ обыкновенно первый завладѣвалъ хворостинной начальника и усердно пробовалъ ея гибкость на спинѣ своихъ сверстниковъ. Впрочемъ, подъ его команду шли охотно и дѣти водоносовъ и маленькіе чистильщики арыковъ и погонщики ословъ, и разная людская мелочь....

Долгое время сынъ эмира оставался безъ имени. Родные считали пока достаточнымъ называть его—негоднымъ мальчишкою. Имя Тимура онъ получилъ уже въ возрастѣ, когда можно было задумываться о предстоявшей ему дорогѣ. Дорога-же открывалась передъ нимъ настолько широкая и съ такимъ необъятнымъ горизонтомъ, что всемірная исторія занимается имъ уже болѣе пяти вѣковъ и все еще не можетъ договориться о его значеніи, въ ходѣ историческаго рока, до послѣдняго слова. Народы и лѣтописи, ученые умы и легенды разошлись въ своихъ сказаніяхъ объ этомъ потрясателѣ земли, въ совершенно противоположныя стороны. Былъ ли это геній или только дикій звѣрь, считавшій кровь человѣка излюбленнымъ питьемъ? Вотъ вопросъ, на который получилось столько противорѣчивыхъ отвѣтовъ.

Въ помощь историкамъ, Тимуръ, по присущей великимъ людямъ слабости, оставилъ свое жизнеописаніе, въ которомъ привелъ о своемъ появленіи на свѣтъ разсказъ отца нѣсколько мистическаго свойства.

— «Однажды я увидѣлъ во снѣ прекраснаго молодого человѣка, похожаго лицомъ на араба», сообщилъ сыну эмиръ Турагай.—«Этотъ незнакомецъ подалъ мнѣ мечъ и приказалъ взмахнуть имъ противъ солнца. Когда я взмахнулъ, то блескомъ его стали освѣтятся мгновенно весь міръ, такъ что я увидѣлъ его отъ стороны восхода до стороны заката солнца. Пораженный этимъ необыкновеннымъ явленіемъ, я обратился къ шейху Куляля, извѣстному своею святою жизнью, съ просьбою объяснить необычайное сновидѣніе. Шейхъ, которому небо разрѣшило заглядывать въ книгу очевидности, сказалъ мнѣ: твой сонъ имѣетъ пророческое значеніе. Онъ предвѣщаетъ, что Богъ пошлетъ тебѣ сына, которому суждено овладѣть всемъ міромъ и обратить всѣхъ людей въ исламъ. На половину сонъ мой уже исполнился: Аллахъ послалъ мнѣ тебя, мой сынъ, а остальное продолжаетъ еще оставаться на страницахъ книги очевидности. Когда же

наступила пора избрать приличное имя, я отнесъ тебя къ шейху Шамсудину, успѣвшему прочесть весь коранъ болѣе ста разъ въ теченіе своей жизни. Шейхъ открылъ по моей просьбѣ коранъ и первое слово, какое онъ произнесъ, было: «Тимуръ»! Я далъ тебѣ, мой сынъ, это имя и, надѣюсь, что желѣзо поможетъ тебѣ осуществить предсказаніе святого человѣка».

Такъ говорить самъ Тимуръ, но не такъ записано въ лѣтописяхъ тѣхъ странъ и народовъ, гдѣ онъ стремился оправдать предсказаніе святого шейха. Армянскія лѣтописи, напримѣръ полныя впрочемъ ненависти къ нему, передаютъ живучее и теперь еще въ средѣ дживанширскихъ армянъ преданіе о происхожденіи его отъ богатаго, но бездѣтнаго армянскаго священника.

— «Несмотря на преклонные годы, по усиленной молбѣ къ Всевышнему, жена принесла іерею сына, что впрочемъ стоило ей жизни. Радость отца была отравлена горемъ о потерѣ преданнаго друга. Отсюда началось нерасположеніе къ ребенку, котораго окрестили въ армяно-грегоріанской церкви и съ арабскимъ именемъ эмира выпустили въ свѣтъ. Эмиръ росъ необыкновенно быстро. Въ числѣ его природныхъ качествъ была желѣзная настойчивость, которая проявилась однажды съ неестественною силою. Изъ нерасположенія къ сыну, священникъ поручилъ ему пасти стада; занятіе это, какъ видно, не нравилось ребенку и вотъ онъ пригналъ однажды домой вмѣсто ягнятъ—зайца, за которымъ гонялся цѣлый день. Удивленный этимъ страннымъ поступкомъ, отецъ подрѣзалъ икры на ногахъ сына, почему и привилось къ нему, имя ланктъ-эмира, т. е. хромого эмира. Не понравился, въ свою очередь и юношѣ поступокъ отца, а такъ какъ его преслѣдовали во всей Арменіи насмѣшками, то онъ бѣжалъ въ Дагестанъ, принялъ тамъ мусульманство и, поднявъ на ноги всю Авію, возвратился въ Арменію Божьимъ бичемъ. Для него не было лучшаго храма, какъ минаретъ изъ христіанскихъ головъ, на который вѣбировался его мю'аззинъ для призыва правотѣрныхъ къ молитвѣ».

Татарскія легенды также вспоминаютъ о Тимурѣ, какъ о человѣкѣ, отмѣченномъ перстомъ Провидѣнія еще ранѣе появленія его на свѣтъ. Онъ сдѣлался хромоногимъ еще въ чревѣ матери, на которую предвѣщатели указывали народу, какъ на женщину, которая родитъ величайшаго изъ потрясателей земли. Народъ про-

боваль убитъ ея, но за нее заступились добрые джины,—геиш исламтитягъ—допустившіе только нанести ребенку увѣчье.

Разнообразіе легендъ о происхожденіи Тимура указываетъ на его міровое значеніе. Въ числѣ ихъ имѣются и поэтическаго характера, переходящія всякіе предѣлы чудснаго и, наоборотъ, поражающія своею реальною наготою. Русскія лѣтописи, не признавалъ его потомкомъ Чингисъ-хана, считаютъ его «хлопомъ» нѣкоего государя, продавшаго его въ неволю за злонравіе и потому «не имѣа чимъ питатися, пребываше татбою кормяся.» За одну изъ такихъ кражъ ему перебили ногу, но онъ, занимаясь, между прочимъ кузнечествомъ, оковалъ мѣсто излома желѣзнымъ обручемъ. Отсюда онъ пошелъ въ свѣтъ подъ названіемъ «желѣзнаго хромца».

Какъ разнорѣчивы народныя сказанія о происхожденіи Тимура, такъ разошлись въ противоположныя стороны и строгіе историки въ сужденіяхъ объ истинномъ характерѣ его завоеваній и объ ихъ значеніи въ культурѣ всемірной общины.

— «Тимура слѣдуетъ сравнивать съ Александромъ Македонскимъ!» замѣтилъ восторженно Гаммеръ.—«Сравненіе это можетъ быть приведено какъ съ точки зрѣнія продолжительности и конца ихъ жизненной карьеры, такъ и ихъ человѣчности, пространства ихъ завоеваній, храбрости и наконецъ ихъ умѣренности. Александръ Македонскій, вышедшій изъ высшаго разцвѣта греческаго и персидскаго развитія, былъ образованнѣе Тимура, но послѣдній превзошелъ его талантами полководца и властителя покоренныхъ странъ и народовъ. Александру приходилось покорять изнѣженные народы, тогда какъ Тимуръ ниспровергалъ воинственные царства. Первый родился на тронѣ, а второй въ хижинѣ. Несмотря на это различіе въ подготовкѣ къ всемірной сценѣ, желѣзное постоянство, необыкновенное самообладаніе и осторожность вознесли Тимура на вершину могущества и качества эти не покидали уже его до послѣдней минуты жизни».

— «Тимуръ возбуждалъ въ своихъ ордахъ кровожадность и звѣрство».—Таково мнѣніе Шлоссера.—«Его татаро-монголы, походившіе на тигровъ, истребляли людей тысячами»....

— «Завоевать міръ и владычествовать надъ нимъ было главною цѣлью Тимурова честолюбія.»—Таково увѣреніе Гиббона.—«Жить въ памяти и уваженіи потомства было вторымъ желаніемъ его благородной души. Побѣжденные имъ народы увлекались низкимъ и безсильнымъ желаніемъ отомстить за свое униженіе, но

ихъ усилія служили каждый разъ только новымъ ореоломъ всегда побѣдоносному гению»...

— «Онъ былъ безчеловѣчно жестокъ!» восклицалъ Веберъ, избравшій впрочемъ для своего сужденія золотую середину.—«Онъ былъ ужасенъ своею свирѣпостью...по имѣлъ великіе таланты полководца, правителя и законодателя...и въ спокойномъ состояніи духа.... былъ справедливымъ судьей, покровителемъ художниковъ и ученыхъ»...

Грановскій не нашелъ для Тимура ни одного добраго слова:— «Въ большой части завоеваній его трудно замѣтить какую нибудь опредѣленную политическую цѣль. Можно думать, что имъ руководила безотчетная страсть къ разрушенію. Разоривъ богатую страну, срывъ до основанія ея города, потоптавъ копытами коней своихъ ея жатвы, настроивъ пирамиды изъ отрубленныхъ головъ, онъ шелъ далѣе, не заботясь объ утвержденіи своей власти въ обезображенной пустынѣ».

Впрочемъ и Мюллеръ, сравнивъ Тимура съ Аттилою и Чингисъ-ханомъ, призналъ въ немъ только грознаго воина,—«нія котораго въ теченіи столѣтій съ ужасомъ и изумленіемъ повторялъ весь западъ».

Ничто не предвѣщаетъ, что и будущіе Гаммеры, Шлоссеры, Гиббоны и всѣ грядущіе корифеи строгой исторіи установятъ единство взглядовъ на дѣла рукъ Тимура. Одни изъ нихъ, взобравшись на пирамиду изъ человѣческихъ головъ, будутъ посылать ему попрежнему небесные громы, а другіе пройдутъ мимо этихъ триумфальныхъ монументовъ и углубятся въ чтеніе его автобіографіи. Последняя-же гипнотизируетъ читателя предвзатымъ прекраснодоушіемъ. Она не упоминаетъ ни объ одной башнѣ изъ людей, заживо залитыхъ цементомъ и только изрѣдка разрѣшаетъ подуть на страну или городъ «вѣтромъ тлѣнія», или говоря проще, обрушиться на побѣжденных поголовнымъ избіеніемъ. Но и въ такихъ случаяхъ, авторъ относитъ вѣтеръ тлѣнія въ безотвѣтственную сторону, въ сторону Всемогущаго.—«Не ты, Мухаммедъ, напалъ на враговъ ислама—а Богъ, чтобы показать вѣрный знакъ своего могущества».—Если такое оправданіе годилось для Мухаммеда, то книга очевидности еще болѣе годилась для оправданія Тимура, который истребилъ людей въ тысячу разъ болѣе, нежели самъ Пророкъ въ его борьбѣ съ корейшитами или въ битвахъ при Бедрѣ и Оходѣ.

Подрывая вѣру въ искренность и правдивость автобіографіи Тимура, нельзя пройти мимо его минаретовъ и въ человѣческихъ головъ и мимо его показнаго стремленія осчастливить несчастливцевъ и просвѣтить непросвѣщенныхъ. Съ этою цѣлью, необходимо прослѣдить его жизнь отъ дня рожденія до момента, когда книга очевидности подула и на него вѣтромъ тлѣнія.

